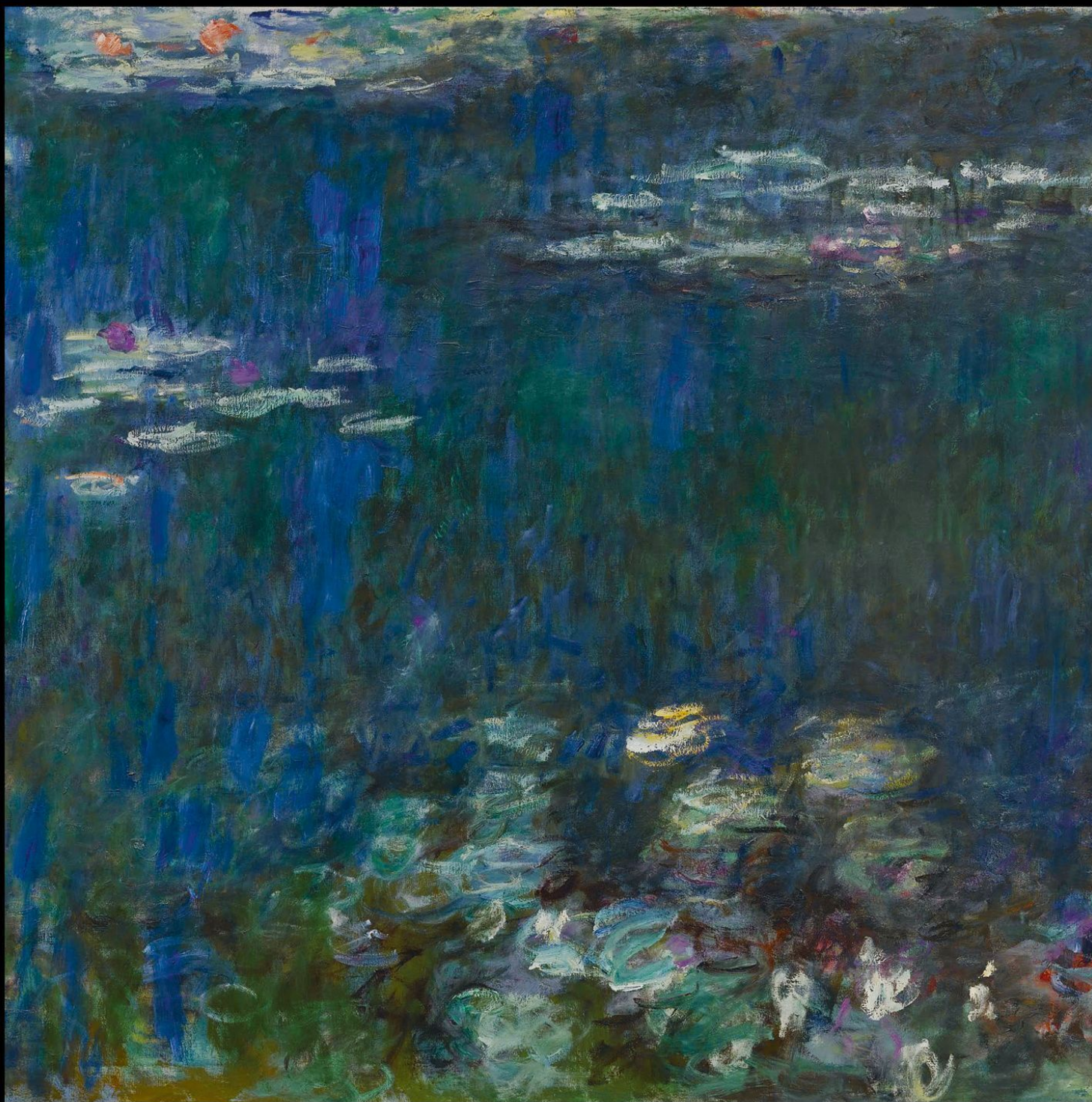

ВЕЛИКАЯ

Морган
Мейс

○ путешествии в ад,
во Францию
и обратно

ДОЛИНА

18+

в детство

III

Individuum. /sub

Морган Мейс

**Великая долина. О
путешествии в ад, во
Францию и обратно в детство**

«ЭКСМО»

2025

УДК 75.01
ББК 85.14

Мейс М.

Великая долина. О путешествии в ад, во Францию и обратно в детство / М. Мейс — «Эксмо», 2025 — (Individuum. /sub)

ISBN 978-5-04-247096-7

Что общего между брызгами краски на холстах, «Красной книгой» Карла Густава Юнга и модернистскими текстами Гертруды Стайн? Книга американского философа и арт-критика Моргана Мейса («Пьяный Силен», «Судьба животных») начинается с попытки расшифровать загадочный цикл картин «Великая долина», написанный Джоан Митчелл, одной из ключевых художниц абстрактного экспрессионизма, в добровольном изгнании во французском городке Ветёй, а затем превращается в головокружительное путешествие туда, где из боли, памяти и утраты рождается подлинное искусство. Проходя сквозь «словесные водовороты» Гертруды Стайн, вглядываясь в кувшинки Клода Моне и сопереживая героям Гуго фон Гофманстала, Мейс обнаруживает, что Великая долина — недостижимый край, из которого мы на самом деле никогда не уходили. Эта книга, полная парадоксов, юмора и меланхолии, ставит финальную точку в исследовании искусства как откровения, в котором за хаосом красок и слов внезапно обнаруживается истинный облик реальности. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 75.01
ББК 85.14

ISBN 978-5-04-247096-7

© Мейс М., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Предисловие	7
I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Морган Мейс
Великая долина
О путешествии в ад, во
Францию и обратно в детство

© Morgan Meis, 2025

© Алексей Зыгмонт, перевод с английского, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Individuum®

Предисловие

Где и когда я увидел свою первую картину Джоан Митчелл – этого не припомню. Смутно чувствую, что много десятилетий тому назад видел одну из ее картин про деревья. Картин с деревьями у Джоан Митчелл было немало. Из цветов на этих картинах зачастую преобладает синий. Эти ее деревья не очень-то считаются как деревья – во всяком случае, если ищешь глазами какой-то образ, в котором бы дерево узнавалось мгновенно. В основном Джоан Митчелл рисовала деревья просто как несколько кривоватых цветных полос вверх и вниз по холсту. Насколько я помню, к этим деревьям, пейзажу или что бы там ни было я отнесся скептически. Картина показалась мне неряшливой. Так я, во всяком случае, помню это сейчас, хотя и не помню, где и когда это было. Вот не помню – и все тут. У меня есть лишь ощущение – того, что я недоволен и даже разочарован.

Но, видимо, эта картина все-таки запала мне в душу. В забытых местах – забытых, во всяком случае, мною самим, – в запрятанных куда подальше местечках где-то в глубинах моего гугл-диска у меня есть файлы, а там – обрывочные заметки. Такие файлы находишь, только когда залезаешь в какую-нибудь древнюю папку, а там, в этой папке – другие файлы, еще более древние, и ты все сильнее углубляешься в темные дебри прошлого, в потаенные уголки гугл-диска, куда и заглядывать-то, неизбежным образом, как-то боязно. Потому что – ну что там в них? Кем я тогда был? Сколько всего от себя я забыл – даже если прошло всего пару лет?

Как бы то ни было, вот они – файлы. В тех файлах я, кажется, собирал идеи, о чем неплохо бы написать и какие книги хочу сочинить – хотя, разумеется, большая часть этих книг никогда не увидит свет, и это, по правде сказать, даже к лучшему. Этим файлам самое место в корзине. С другой стороны, иметь под рукой такие вот файлы – здорово. Рано или поздно я на них натываюсь – и понимаю, сколь многое из того, что в какой-то момент, в какой-то период жизни казалось мне очень важным, я напрочь забыл. Эти забытые файлы и потерянные байты мыслительной деятельности – штука невероятно грустная и глубоко тревожная. Поэтому-то им бы лучше там и остаться. Они суть надгробия и капсулы времени моего былого «Я».

В одном из файлов у меня записан вопрос – кажется, я задавался им сам, хотя резонно спросить – а к кому на самом деле этот вопрос обращен? Звучит вопрос очень просто: «Почему Джоан Митчелл уехала во Францию?» И вот по какой-то причине этот вопрос насчет Джоан Митчелл затронул столь потаенно-темные части моей души, моего «Я», что вынудил меня написать именно эту книжку – вместо кучи других разных книжек о самых разных вещах, которые я часто подумывал написать или даже чувствовал, что обязан это сделать. Потому что за этим простым вопросом – «Почему Джоан Митчелл уехала во Францию?», – скрывается более глубокий и, в конечном счете, непостижимый вопрос: да кто же она такая была, Джоан Митчелл, если по правде?

В отъезде Джоан Митчелл во Францию есть нечто странное. Эта проблема – не всего-навсего какая-то там поверхностная, не проблема чьего-то конкретного жизненного пути. Джоан Митчелл была ведь американкой и родилась в Чикаго. Она изо всех сил пыталась стать художницей – великой художницей – именно в Америке. И это ей вроде как удалось, но как-то не до конца, неудовлетворительно. Нечто было предотвращено. Случилось предотвращение. И затем она рванула во Францию. И этим разрушила все, что пыталась для себя выстроить. Или нет?

Художницей Джоан Митчелл и вправду, по моему скромному мнению, была поистине великой. А вот как человек она была что-то с чем-то. Она была ужасна. Она была великой – а еще несносной. Вела себя как настоящее чудовище. Но иногда была такой нежной, что едва не таяла. Пожалуй, она была гением – что бы это ни значило. Как бы то ни было, вместо того чтобы судить ее саму или ее жизнь, я попросту научился ее любить. И еще стал бояться ее.

В основном потому, что смотрел на ее картины. Из-за того, что по-настоящему научился на них смотреть – так мне кажется. Думаю, я правда этому научился. Это заняло много лет и на первых порах требовало искреннего непонимания или же неумения смотреть. Требовало много не-знания, не-видения, не-въезжания. И вот наконец я стал погружаться в тот самый опыт – я смотрел на ее картины и видел, *что* она вкладывала в эти холсты, видел по-настоящему. Что-то наконец «щелкнуло». И все это случилось со мной благодаря вопросу: «Почему Джоан Митчелл уехала во Францию?»

В итоге я могу лишь признать, что ответить на этот вопрос хоть сколько-то удовлетворительным образом неспособен. Поэтому моя писанина – это интересное свидетельство неудачи в чем-то таком, на что чувствуешь себя вынужденным, хотя и знаешь, что все усилия тщетны. Может, само выражение тщетности оказывается стб́ящим того, чтобы его выразить – и это неплохо суммирует то, что Джоан Митчелл пыталась сделать с красками и холстом, когда билась и трудилась в поте лица в течение множества одиноких часов перед гигантским белым отрезом холста и в моменты, когда она переставала быть чем-то одним и становилась чем-то другим, и еще в периоды – мне хочется называть их почти что «святыми», – когда Джоан Митчелл избавлялась от своего «Я» и обретала нечто иное, незримо присутствующее в невыразимом не-пространстве творения, в тайные и загадочные моменты, когда она соприкасалась с... чем?

I

Однажды в 1983-м Джоан Митчелл взялась за целую кучу полотен. Пожалуй, это пейзажи. Или нечто иное? В итоге у нее получилась двадцать одна версия этого места – которое и местом-то толком не было. Понять эти великие полотна непросто

Некоторые зовут их «циклом» из двадцати одной картины. Звучит, как по мне, неплохо – «цикл картин». Название для кучи полотен изрядно претенциозное, но «цикл» звучит лучше, чем «куча». Да что там «лучше» – звучит как что-то, сулящее море эмоций. Когда я слышу про «цикл», «полный набор» – скажем, что где-то что-то «со всеми удобствами», – то всегда предвкушаю, что будет круто. «Цикл» предлагают с уверенностью. В какой-то степени – распустив хвост. Когда предлагают «полный набор» – это уж точно не какая-то ерунда.

Но сомневаюсь, и очень сильно, что Джоан Митчелл когда-либо называла какие-нибудь свои картины «циклом». Такими словами Джоан Митчелл не пользовалась. Она хотя и росла в довольно-таки изысканной обстановке в Чикаго, никогда ни в чем не нуждалась и могла жить в роскоши – но такой не была. Выражалась она в основном пожестче – и жить предпочитала так же. Часто все огрубляла. Часто без надобности усложняла самой себе жизнь. И ничего не могла с собою поделаться. Что тут поделаешь – такая вот у нее, у Джоан Митчелл, особенность. Когда же кто бы то ни было пытался что-то с этим поделаться, чем-то помочь – она, как правило, отвергала всякую помощь или даже плевала в лицо помощничку, иногда буквально.

Так что, пожалуй, называть эти работы «циклом картин» не стоит. Может, стоит назвать их «серией». Вот так, безыскусно. Серия картин. Их двадцать одна штука. Серию целиком я никогда не видел. Своими глазами я видел лишь некоторые. Сомневаюсь, что кто-либо, кроме самой Джоан Митчелл и, может быть, пары близких друзей или прочих людей, которые были рядом с Митчелл, когда она писала эти картины, видели серию целиком. Где они все – я не знаю тоже. Некоторые, вероятно, у частных коллекций, другие – в музеях, третьи – рассеяны по галереям. Сейчас эти картины везде, где угодно. Каждое из двадцати одного полотна *La Grande Vallée* – «Великой долины» – никто никогда не увидит. Вероятно, ситуация такова, что в одном месте полный цикл этих картин никогда уже не окажется. Джоан Митчелл написала эти картины – а писала она их в 1983 году и немного в 1984-м, – а когда она их написала, те разбрелись по миру и рядом уже никогда не повиснут. Писала она этот цикл картин – эту картинную серию – из своего, так сказать, убежища, живя в своего рода добровольном изгнании в одном городке во Франции. На время написания этого цикла-серии картин ей было уже под шестьдесят. Картины очень большие. И еще на них много цвета – прямо-таки навалом цвета на этих полотнах.

На некоторых картинах «Великой долины» – этого цикла, серии из двадцати одного полотна, – на некоторых из них много синего, он повсюду. Мазки, штрихи, а потом широкие и размашистые полосы синего. Сплошной синий. На других много желтого. Где-то – оранжевого. Холсты солидные. Цвета солидные тоже. Всюду брызги. Брызги синего, брызги зеленого. Желтого. Работая по холсту большими мазками, Джоан Митчелл позволяла краске разбрызгиваться. Краски на кисть она иногда брала много, а иногда – меньше. Варьировала, сколько краски ей взять, варьировала и брызги, и водянистость красок. Улавливаете суть? Представляю, как она ходит туда-сюда, а затем чуть ли не бегаёт у холстов с кистью, а потом садится на корточки, закуривает и просто долго глядит на холст, а еще слушает, по своему обыкновению, музыку; курит, думает и глядит, ну или не очень-то думает, не особо планирует, а просто

позволяет сформироваться чувству этого цвета и потребности в следующем движении, а затем вновь бросается к холсту, вновь работает по холсту мазками и широкими взмахами – и создает Великую долину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.